

Ольга Брюс

Река времени

Ольга Брюс

Река времени

«Автор»

2026

Брюс О.

Река времени / О. Брюс — «Автор», 2026

День рождения на природе обернулся катастрофой: муж - с лучшей подругой, в кустах. Арина в ярости бросилась в реку - и вынырнула в прошлом. В настоящем далёком прошлом: холщовые рубахи, работа на барина, ни телефонов, ни привычного мира. Праздник закончился. Началась совсем другая история.

© Брюс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ольга Брюс

Река времени

Глава 1

Вечер опускался на реку мягкими бархатными шагами. Вода, ещё хранящая тепло уходящего дня, казалась расплавленным золотом, в котором отражались силуэты старых ив и далёкая громада колокольни. Воздух был напоен запахом разнотравья, речной свежести и дыма от мангала, где Андрей с друзьями уже вовсю орудовал шампурами в честь дня рождения своей жены.

Арина Орлова, виновница торжества, стояла у самой воды, рассеянно водила босой ногой по мелкой гальке и чувствовала себя совершенно не в своей тарелке. Ей хотелось одного – рухнуть в кровать после двенадцатичасовой смены у плиты в ресторане, где она работала поваром. Но Андрей, сияющий и довольный, настоял на этом сюрпризе.

– Да ты что, Ариша! Ты только представь, природа, река, мангал! Красотища! – говорил он, и она не смогла отказать.

Гости шумели неподалёку, звон бокалов смешивался с его громким хохотом. Арина мельком взглянула на них: подруга Наташка о чём-то оживлённо спорила с мужем Валеркой, который, судя по всему, уже приложился к коньячку. Наташка поймала её взгляд и подняла бокал, как бы говоря:

– Поздравляю, подруга, этот праздник в твою честь!

– Арина! Иди к нам! – тут же принялись звать именинницу семейства Кузнецовых, Вертюлиных и Ильиных. Но она только помахала им рукой:

– Сейчас приду... Отдыхайте!

Хорошо хоть эта гримза Наталья Петровна не явилась. В памяти всё ещё звенел голос свекрови, которая заявила к ним вчера, как всегда «просто проведать». Она ходила по их квартире, как генерал по полю боя, заглядывала в кастрюли, критиковала нарезку салата, проверяла пыль и, конечно, не удержалась от своей любимой темы.

– Арина, ты чего такая бледная? Тебе бы витамины попить, да и к врачу сходить. В вашем возрасте уже не только о карьере думать надо, а о наследниках. Андрею-то уже за тридцать, пора бы отцом стать.

– Но мне-то ещё не скоро будет тридцать, – ответила ей Арина. – Так что торопиться некуда.

– А я не о тебе говорю, – отрезала свекровь.

Арина перевела взгляд на мужа, но тот только улыбнулся и поторопился усадить свою мамашу за стол, чтобы накормить по-царски, а потом выпроводить восвояси. Арина еле дождалась этого момента, а когда, оставшись с ней наедине, Андрей начал оправдывать мать, говоря: «Ну, она же добра желает», – она не выдержала и выплеснула на мужа всё, что терпела годами: и безропотное поклонение этой госпоже, и постоянное чувство вины, и уколы этой «доброй» свекрови.

– Андрей, почему ты никогда не принимаешь мою сторону? – спросила его Арина. – Она что, не знает, что я перенесла два выкидыша? Ну так напомни ей! Или она думает, что это мне доставило какую-то радость? Зачем она вообще к нам ходит?! Чтобы доставать меня?

– Перестань, солнце моё... Она же моя мать...

– А я твоя жена!!! – вскрикнула Арина.

– Малыш...

Андрей пытался обнять её, но она его оттолкнула, и вечер закончился ссорой. А сегодня он притворяется, что ничего не было, устроил этот грандиозный пир...

– Аришка! Эй, ты чего загрустила? – отвлёк её голос Наташки. – Опять поссорились?

Она понимающе заглянула в глаза Арине и кивнула на болтавшего с друзьями Андрея.

– Что, так заметно? – горько усмехнулась Арина.

– Ещё бы. Уверена, что это Наталья Петровна подзуживает его, всё никак не уймётся, мечтает вас развести. Такая вредная тётка, просто кошмар, – Наташка фыркнула, как это делала всегда, когда злилась. – Помнишь, я ещё на свадьбе говорила тебе об этом.

– Ничего, я уже привыкла, – ответила ей Арина. – Как-нибудь справлюсь.

– Слушай, забей ты на неё. Она просто ложка дёгтя в бочке твоего мёда. Ну, приходит, ворчит, ну и что? Ты сравни: вон мой Валерка, – она махнула рукой в сторону мужа, который пытался спеть что-то под гитару, безбожно фальшивя, – зарабатывает в два раза меньше твоего, пьёт в три раза больше, а его мамаша – ведьма, в десять раз хлеще вашей, но я же как-то живу! А у тебя Андрей – не мужик, а золото. Вон, какой праздник тебе организовал, сам всех созвал и шашлык приготовил просто отменный. Мясо тает во рту. Пойдём, попробуешь. И вообще, тебе надо напиться и забыться!

Арина выдавила из себя улыбку. Наташка, как всегда, была права. Но душа всё равно ныла от невысказанной боли.

– Ты иди, Натусь, и я тоже скоро приду. Там всё равно уже все перепились и забыли, зачем сюда приехали.

– Ну ладно, – кивнула Наталья. – Только не заблудись, чтоб нам не пришлось тебя искать.

Арина вышла на тропинку, направляясь к красивой старинной башне, и, остановившись перед ней, с невольным восхищением подняла на неё глаза. Колокольня возвышалась на холме, величественная, тёмная, почти чёрная на фоне багрового заката. Её каменная кладка, замшелая и старая, дышала историей, а циферблат часов, золочёный лучами уходящего солнца, казался чем-то невероятным и даже нереальным.

Старая каменная лестница внутри башни была винтовой и выходила прямо из толщи стен. Неровные ступени, стёртые сотнями ног и выщербленные временем, уводили вверх, обещая просто сказочный вид на всю округу. Арина поднималась медленно, ведя рукой по грубому камню. С каждым шагом шум голосов внизу стихал, сменяясь тишиной, в которой слышен был лишь стук её собственного сердца и ветер, завывающий в бойницах.

Когда она вышла на смотровую площадку, у неё от восторга захватило дух. Отсюда река казалась не золотистой, а медной, оплавленной огнём заката. Леса уходили вдаль, покрытые дымкой, и всё это море зелени и света плескалось у её ног. Красота была настолько осязаемой, что у Арины защипало в глазах. Она ощутила себя крошечной, но при этом до краёв наполненной этим бесконечным простором.

Внизу, у самой воды, уже зажигались огоньки гирлянд, а её гости казались муравьями, суесящимися вокруг красной точки костра. Она разглядела Андрея, он стоял чуть поодаль от всех и разговаривал с кем-то из женщин. Кажется, это была Наташка...

– Просто ложка дёгтя... – прошептала она, вспомнив слова Наташки. – Ну да, наверное...

Она прислонилась лбом к холодному камню парапета и закрыла глаза. В ушах зазвучала странная мелодия, такая красивая и тоскующая, что Арина забыла обо всем на свете – о све-крови и муже, о работе, жизни и разочарованиях, от которых раньше никуда не могла деться.

– Бом-м-м...

Арина вздрогнула от неожиданности: она никак не ожидала, что часы на башне идут до сих пор. Интересно, сколько ей? Два столетия? Три?

– Бом-м-м... – тяжёлые, густые удары, разливаясь по долине, сменяли друг друга. Второй, третий, четвёртый... Арина насчитала девять.

И вдруг, с последним ударом, когда его звук ещё плыл по воздуху, к ней пришло спокойствие. Оно растеклось по телу, растворив в безмятежности усталость и обиду. В самом деле, о чём ей переживать? Она молода, красива, у неё есть муж, который подготовил для неё этот праздник, есть друзья, которые её любят. Она не обязана быть идеальной невесткой, идеальной женой. Она просто Арина, стоящая на краю старой колокольни в ночь чудес.

– Я всё смогу, – сказала она тихо, обращаясь и к этому вечеру, и к себе самой.

Закат уже угас, и даже тонкая малиновая полоска на горизонте растаяла, унося с собой прошедший день. На небе зажигались первые звёзды.

Арина посмотрела вниз. Андрей всё ещё стоял на берегу. Он поднял руку и помахал ей. Арина улыбнулась и помахала в ответ.

– Красиво здесь, – раздался позади неё чей-то голос.

Арина резко обернулась и увидела перед собой старика лет восьмидесяти, с морщинистым лицом и умными глазами, которые пытливо смотрели на неё.

– Да... – ответила она. – Простите, я задумалась и не услышала ваших шагов.

– Я не хотел испугать вас... Вы, наверное, из той компании? – незнакомец подошёл ближе и кивнул вниз.

– Да, там мой муж и друзья, – подтвердила Арина. – Сегодня мой день рождения, вот мы и собрались, чтобы отметить его.

– Надо же, вы родились в ночь на Ивана Купала...

– Так уж получилось, – улыбнулась Арина. – Простите, а вы кто?

– Местный житель, – охотно пояснил старик. – Люблю приходить сюда на закате, потом смотреть на звезды. Здесь всё как-то ощущается по-другому, и даже воздух не такой, как там, внизу.

– Это правда, – согласилась Арина. – А вы знаете, кто эту башню построил? Никогда о ней ничего не слышала. Да и вообще впервые здесь.

– У неё печальная история, – сказал старик. – Но я вам расскажу, что знаю.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и начал рассказывать – медленно, словно перелистывая страницы древней книги, которая хранилась в его памяти.

– Когда-то, лет триста назад, в этих местах жил здесь один помещик, граф. Молодой, богатый, красивый. Говорят, однажды он встретил женщину, которую не должен был полюбить, но полюбил. А когда она пропала, построил для неё эту самую колокольню. И повелел, чтобы часы на ней били каждые три часа, в надежде, что она услышит их и вернётся, по ним отыщет к нему дорогу.

– Ух ты! И что, его невеста так и не нашлась?

Старик вздохнул и погладил свой щетинистый подбородок.

– Каждый день граф поднимался на эту колокольню и смотрел на дорогу. А часы били. Раз в три часа. И вот уже три столетия не останавливаются ни на минуту.

– Значит, она не вернулась? – спросила Арина, хотя ответ уже знала.

Старик покачал головой.

– Но люди верят, что когда они соединятся в вечности, часы остановятся.

Арине вдруг стало не по себе.

– Спасибо вам за такую красивую легенду, – сказала она старику. – А теперь простите, но мне пора.

– Не за что, – кивнул он в ответ и отступил в сторону, пропуская Арину к ступеням. – И пусть этот день рождения станет для вас самым запоминающимся.

Арина улыбнулась и махнула старику на прощание.

Ночь опустилась на землю тяжёлой, душной пеленой, пропитанной запахом перегара, сигаретного дыма и жареного мяса. Праздник удался. Ещё как удался. Кто-то ещё брэнчал на гитаре, сидя у костра, кто-то уже крепко спал, а столы ломились от пустых бутылок, напоминающих поле боя после жестокой битвы.

Арина, дремавшая в раскладном кресле, открыла глаза и провела ладонью по лицу, прогоняя остатки сна. Часы показывали половину двенадцатого. Она помнила, как, вернувшись с башни, выпила крепкий коктейль, поблагодарив друзей за тосты, ей налили снова, а потом всё смешалось в калейдоскопе лиц, смеха и танцев. И вот она проснулась в кресле, заботливо укрытая пледом.

Арина осмотрелась. Неподалёку, устроившись на шезлонге в неестественной позе, спал Валера, муж Наташки. Остальные гости, судя по всему, разбрелись по территории. Андрея нигде не было.

Она поднялась и вдохнула прохладный ночной воздух. Луна висела над рекой огромным серебряным блюдом, разбрызгивая по водной глади дрожащую дорожку из чистого света. Где-то кричала ночная птица, и от этого крика по спине девушки пробежал холодок.

– Чёрт, зачем я так напилась? – прошептала она, кусая губы.

Тошнота подкатывала к горлу, и ей вдруг захотелось искупаться в холодной речной воде. Ноги сами понесли её по тропинке к реке. Трава была мокрой от росы, и ступни холодило приятно и отрезвляюще. Арина сбросила платье прямо на ходу, немного подумала и сняла белье, оставшись совершенно обнажённой под лунным светом. Кожа засветилась перламутром, а прохладный ветерок пробежал по телу, заставляя мурашки танцевать на её плечах.

Она уже приблизилась к самой кромке воды, когда услышала звуки. Сначала она решила, что это ветер шепчет в камышах, но потом различила голоса. Приглушённые, сбивчивые стоны, переходящие в хриплый шёпот. И мужской голос – низкий, хриплый, до боли знакомый.

Арина замерла, вслушиваясь. Голос принадлежал Андрею. Сомнений не было. Она знала эту интонацию, эту бархатистую хрипотцу, которой он окутывал её по ночам.

– Тише... не спеши... – шептал он, и в этом шёпоте слышалась животная страсть.

Ноги Арины стали ватными, но она заставила себя двинуться туда, откуда доносились звуки, и обеими руками развела кусты в сторону. А потом, слегка склонив голову, принялась рассматривать открывшуюся ей картину. На берегу, на расстеленном пледе, лежал Андрей, а над ним склонилась Наталья. Её подруга. Её лучшая подруга, которая совсем недавно обнимала её и так доверительно рассуждала про ложку дёгтя.

Наталья двигалась ритмично, вот она запрокинула голову, и её длинные светлые волосы засеребрились в лунном свете. Андрей лежал под ней, сжимая руками её бёдра.

– Андрей, – позвала мужа Арина, и в этом слове не было ни крика, ни истерики. Только ледяное спокойствие.

Они оба замерли. Андрей резко распахнул глаза и в ужасе уставился на жену. Он грубо оттолкнул Наталью, и та, издав визг, кубарем скатилась на траву, пытаясь прикрыться руками.

– Арина?! – выдохнул Андрей, но тут его лицо перекошилось от замешательства. – А ты... ты почему голая?

Арина медленно скрестила руки на груди, не пытаясь прикрыться. Наоборот, она гордо выпрямилась, и в лунном свете её совершенная фигура казалась статуей древней богини, застывшей в гневе.

– А вы? – переспросила она с ледяной усмешкой. – Я-то купаться собралась. Освежиться. А вы, я смотрю, уже приплыли. Да ты не спеши, Натусь, я же тебя не тороплю, просто постою в очереди. Ты не возражаешь?

Наталья, дрожащими руками хватая разбросанные вещи, начала торопливо одеваться. Она не смотрела на Арину, только бормотала что-то невнятное, путаясь в рукавах.

– Ариша... это не то, что ты думаешь... – начал Андрей. Он тоже уже стоял на ногах и крутил в руках шорты, пытаясь вывернуть их.

Наталья уже натянула платье, и теперь стояла бледная, как мел, кусая губы.

– Тут нечего думать, – пожала плечами Арина, наклонилась и подняла трусики подруги.

– На! А то вдруг Валерка проснётся, увидит, что у тебя их нет, и начнёт задавать ненужные вопросы.

Наталья, заливаясь краской, выхватила у неё из рук бельё и, так ничего не сказав, пошла прочь. Глядя ей вслед, Арина пожала плечами, и в этом движении было столько презрения, что Андрей до боли прикусил нижнюю губу. Чёрт, когда он уходил, она так крепко спала...

Он подошёл к ней, держа в руках свою рубашку.

– На, оденься. А потом мы поговорим, – его голос звучал так умоляюще, что Арина протянула руку и взяла у него рубашку, но не для того, чтобы надеть. Она скомкала её и бросила ему в лицо, заставляя его отступить.

– Арина, ну хватит! – рявкнул он, теряя терпение.

– Хватит? – она горько рассмеялась, и этот смех эхом разнёсся над рекой. – А и в самом деле, хватит! Меня от тебя тошнит! И хочется смыть с себя всю эту грязь!

– Куда ты, стой! – он попытался схватить её за запястье, но она выдернула у него руку и поспешила к реке. Андрей рванулся за ней, но было поздно. Арина, стоя по пояс в воде, оттолкнулась от дна и нырнула прямо в лунную дорожку. Холодная вода обожгла, проникла в лёгкие, заставила сердце бешено забиться.

В тот же миг из темноты грянул бой часов. Старая башня ожила, и её часы начали бить полночь. Двенадцать мощных, глубоких ударов, прокатились над рекой, заставляя её гладь морщиниться и дрожать от глухого, раскатистого эха.

– Бом-м-м...

Глава 2

Луна висела над рекой огромным серебряным блюдом, заливая всё вокруг призрачным, мерцающим светом. Ночь была тёплой и душной, пропитанной запахами цветущего разнотравья, речной свежести и влажной земли. Вода казалась жидким стеклом, в котором отражались звёзды, а лунная дорожка тянулась от одного берега к другому, приглашая идти по ней до самого горизонта.

Ночь над рекой стояла тёплая и душная, и парни, затаившиеся в кустах на высоком берегу, чувствовали, как лоб покрывает испарина, а по спине струятся тонкие ручейки пота. Их было пятеро – молодых, горячих, пришедших тайком поглазеть на купающихся в ночь на Ивана Купала девок. Лука и Гаврила, самые смелые, залегли впереди всех, в самой чаще ивняка, откуда открывался лучший вид на речную гладь.

– Тихо ты, дурень! – шепнул Лука, толкая локтем своего товарища, который слишком громко сопел, вглядываясь в белеющие обнажённые тела. – Услышат ведь, разбегутся.

– Да не услышат, – прохрипел в ответ Гаврила, но всё же пригнулся ниже. – Вон они, голубки, поют, заливаются. Не до нас им.

Девушки действительно пели. Их голоса, чистые и звонкие, разносились над рекой, переплетаясь с шелестом листвы и плеском воды. Они водили хороводы, пускали венки, и парни смотрели на них, заворожённые, чувствуя, как кровь быстрее бежит по жилам.

– Эх, и хороши же! – выдохнул третий, Ванька, подползая ближе. – Вон та, в берёзовом венке, Матрёна, гляди, какая статная да гладкая. Кровь с молоком...

– Забыл, что её кузнец Андрюха приметил? – хмыкнул Лука. – Он тебе голову живо открутит, если увидит, как ты на его суженую глядишь.

– А как он увидит? – оскалился Ванька. – Я ж не в примету. Так, полюбоваться только.

Арина вынырнула из глубины, хватая ртом воздух, и принялась быстро моргать, чтобы унять резь в глазах. Когда же она снова смогла видеть, ещё раз моргнула, только теперь уже от удивления: мир вокруг неё изменился. Или это она изменилась? Что вообще происходит? Вместо пьяных голосов с базы отдыха и криков звавшего её Андрея, над водой разносилось нежное, тягучее пение. Голоса... Целый хор женских голосов переплетался в замысловатый узор и уносился в ночное небо, к звёздам, которые казались сейчас намного крупнее и ярче.

Арина замерла, держась на воде, и повернула голову в сторону берега. Там, в нескольких шагах от берега, по пояс в воде, стояли девушки. Их волосы были распущены и струились по плечам, а на головах красовались венки из берёзовых и ивовых прутьев, из полевых васильков, пышных трав и белых ромашек. Они водили ладонями по воде, омывали белые, покатые плечи, баловались, брызгая друг на друга, смеялись и пели чистыми, звонкими, почти неземными голосами.

Арина смотрела на них заворожённо. Она забыла о холоде, о страхе, о том, что только что случилось с ней на берегу. Она видела, как девушки одна за другой стали снимать с себя венки и опускать их на речную гладь. Венки поплыли, кружась в медленном танце, и каждая из девушек что-то шептала, загадывая желание.

– Ой, Матрёна, смотри, как твой веночек качается, его сейчас к тому берегу понесёт! – крикнула одна из них, указывая рукой в темноту. – Быть тебе, девка, замужем!

– А у меня потонул! – всхлипнула другая, и в голосе её послышалась горечь. – Ой, горе мне, горе... Не видать мне жениха в этом году.

– Не горюй, Дарья, – успокоила её третья, обнимая за плечи. – Может, к лучшему. Не всякий жених – счастье. Господь знает, что посылать.

Девушки заговорили тише, и их голоса, словно шелест волн, поплыли над рекой.

Арина смотрела на них, и странное чувство охватывало её. Она где-то видела это. В фильмах, в книгах... Где-то ещё... Там в Иванову ночь девушки гадали на женихов, пускали венки по воде, пели песни... Но здесь, в этой ночи, всё было по-настоящему. И древний, почти забытый обычай жил своей жизнью.

Арина улыбнулась, поняв, что попала на чьё-то театрализованное представление. Надо же, как интересно, а она и не знала, что в этих краях проводятся такие мероприятия.

Она заметила, как один из венков, самый пышный, из берёзовых веток и полевых колокольчиков, медленно подплыл к ней. И вдруг, сама не зная зачем, Арина протянула руку и поймала его. Венок казался свежим, будто только что сплетённым, и от него пахло мёдом и летним лугом. Она осторожно надела его на голову, и цветы мягко коснулись её влажных волос.

Девушки всё ещё стояли в воде, переговариваясь между собой:

– А ты, Настасья, загадала что?

– Загадала, да не скажу. А то не сбудется.

– И не надо. Всё само собой придёт.

Арина подплыла к ним ближе, осторожно, стараясь не спугнуть. Она чувствовала себя неловко, как гостья, которая пришла не вовремя. Но ей так хотелось прикоснуться к этому волшебству, к этой древней магии, которая плыла по воде вместе с венками.

– Простите, – сказала она негромко, когда до берега оставалось всего несколько метров. – Надеюсь, я вам не помешала. Я сейчас уйду.

Девушки замерли. Песня оборвалась на полуслове. Они медленно обернулись и уставились на неё, и в их глазах, освещённых лунным светом, Арина увидела сначала удивление, а потом – настоящий, животный ужас.

– Кто это? – прошептала одна из них, делая шаг назад.

– Ой! – дрожащим голосом ответила другая. – Она вынырнула из воды... Из лунной дорожки...

– А венки на ней! – вскрикнула третья, указывая на голову Арины. – Мой! Тот, что я сплела!

– Русалка! – закричала самая младшая, и её пронзительный голос прорезал ночную тишину. – Русалка!!!

– А-а-а!!!

Девушки бросились к берегу. Они выскакивали из воды, спотыкались, падали на мокрую траву, вставали и бежали, хватая свою одежду, которую оставили на берегу. Они одевались на бегу, путаясь в длинных подолах, и их крики, полные ужаса, разносились над рекой.

– Бежим!!!

– Русалка! Она нас утащит!

– Господи, помилуй!

– Спаси и сохрани!

Через мгновение берег опустел. Только разбросанные полевые цветы остались лежать на траве, напоминая о том, что здесь только что была жизнь, пение и древнее колдовство ночи.

Арина застыла в воде, не в силах пошевелиться. Она смотрела на пустой берег, на плывущие по реке венки, которые уже почти исчезли из виду, и чувствовала, как дрожь пробирает её до самых костей. Ветер стих, и наступила такая тишина, что было слышно, как где-то вдалеке, в лесу, кричит ночная птица.

Она вышла на берег, ступая босыми ногами по мокрой, прохладной траве. Арина стояла и оглядывалась, пытаясь понять, где она. Вместо базы отдыха – тёмные кусты и высокая трава. Вместо ярких огней и шумных голосов – тишина и звёзды, которые с любопытством смотрели на неё с неба. Никаких машин, никакой музыки, ни одного знакомого звука.

Арина подняла голову к небу и почувствовала, как холодок пробежал по спине. Где-то там, в темноте, вместо старой колокольни, которой она так восхищалась, высокой стеной стоял густой, тёмный лес.

Она повернулась к реке. Вода всё так же блестела в лунном свете, но теперь она казалась Арине не знакомой рекой, а чем-то иным – границей между мирами.

– Где я? – прошептала она, и голос её прозвучал глухо в ночной тишине. – Куда я попала?

Но ответа не было. Только ветер прошлых столетий шелестел в листве, да внизу серебрилась река, оставив за лунной дорожкой привычный мир Арины, которая ещё не понимала, что дороги назад больше нет.

Она стояла на берегу одна, голая, мокрая, растерянная и бесконечно одинокая, и чувствовала, как страх перед неизвестностью заполняет каждую клетку её тела. Она подняла руку, сняла венок с головы и бросила его под ноги. Потом сглотнула и позвала сначала тихо, а потом громче:

– Андрей! Андрей, это твои штучки?! Прекрати, мне страшно! Андрей!!!

Но лишь тишина была ей ответом. Звёзды смотрели на неё с высоты, безучастные и вечные, и в их свете не было ни ответов, ни надежды.

Арина сделала шаг вперёд, в темноту, чувствуя, как грубая ткань рубахи касается её ног. Ей нужно было идти. Куда-то идти. Искать хоть какое-то убежище, хоть какого-то человека, который объяснил бы ей, что происходит.

Услышав визг и вопли деревенских девок, парни вскочили на ноги, не понимая, что происходит. Кусты затрещали, и через мгновение мимо них, сбивая на бегу листву, пронеслись полуодетые девушки. Они бежали так, будто за ними гнался сам водяной, и их испуганные крики не скоро умолкли в ночи.

– Тьфу ты, оглашенные, – сплюнул Ванька, пятясь назад. – Чего это они? Переполошились все. Может, медведь?

– Какой медведь, дурень, – зашипел Гаврила, вглядываясь в темноту. – Там что-то в воде было. Я видел. Вынырнуло прямо из лунной дорожки.

Ванька и остальные парни, услышав это, попятнулись. Страх заразителен, и никто не хотел оставаться на берегу, где, по слухам, в Иванову ночь водится всякая нечисть.

– А ну вас, – сказал Матвей, разворачиваясь. – Я пошёл. Ещё русалки защекочат.

– Айда отсюда, – подхватил другой.

Они разбежались, оставив на берегу только Луку и Гаврилу. Те стояли за кустом, вцепившись в ветки, и смотрели на реку. Им тоже было страшно, но любопытство оказалось сильнее страха. Каждому хотелось увидеть русалку своими глазами, чтобы потом рассказывать эту историю в деревне, заставляя девок ахать, а мужиков завидовать.

И они увидели.

Из воды вышла фигура. Стройная, высокая, обнажённая. Лунный свет струился по её телу, делая кожу почти прозрачной, серебристой. Мокрые, длинные волосы стекали по спине, и вода блестела на них, как драгоценные камни. Она оглядывалась по сторонам с таким растерянным и испуганным видом, будто не знала, где находится.

– Господи, помилуй, – выдохнул Лука, чувствуя, как у него перехватило дыхание. – Никогда такой красоты не видывал.

– Я тоже, – прошептал Гаврила, не сводя с неё глаз. – А что это она делает?

Арина не замечала упавших в кусты парней. Она наклонилась и подняла с травы брошенную девками рубашку – длинную, белую, из тонкого холста. Надела её, и лунный свет тут же насквозь пронзил тонкую ткань, обрисовывая каждую линию её тела.

Парни смотрели, как заворожённые. Они не могли отвести взгляда от гибкого силуэта, от того, как холст прилипал к влажной коже, открывая взору то, что должно было быть скрытым.

– Ох, – выдохнул Лука, и голос его дрогнул. – Это не человек. Это точно не человек. Смотри, Гаврила, она ногами ступает по земле, но вся светится, будто призрак.

Арина оглянулась по сторонам.

– Андрей! Андрей!!!

Лука вздрогнул и переглянулся с Гаврилой.

– Андрей? – повторил он. – Слыхал?! Это она кузнеца нашего зовёт, Андрюху?

– Выходит, что так, – ответил Гаврила, и по его спине пробежал холодок. – Говорят, русалки приходят за теми, кто должен скоро помереть. Приходят по душу.

– Значит, Андрюхе конец, – прошептал Лука, крестясь. – Даруй ему Господь Царствие Небесное.

Арина тем временем отошла от реки. Она ступала неуверенно, босые ноги не привыкли к острой траве и камням. Она хромала, то и дело вскрикивая от боли, когда сухая ветка вонзалась в подошву или острый камень ранил кожу. Её лицо было искажено страданием и ужасом, и она оглядывалась по сторонам, тщетно пытаясь узнать местность.

Вокруг неё простиралась дикая, нетронутая природа. Лес подступал к самой реке, тёмный и густой, и его ветви сплетались над головой, создавая непроницаемый шатёр. Высокая трава доходила почти до пояса, и в ней прятались колючки и репейники, которые цеплялись за тонкую ткань рубахи. Воздух был густым, напоенным запахом прелых листьев и ночных цветов, и где-то вдалеке ухал филин.

– Ишь ты, – прошептал Лука, следуя за ней по кустам. – Еле ходит по земле, нечисть. Наверное, больно ей ступать на нашу землю. Намедни тут крестный ход проходил, вот и жжёт ей пятки... ишь, как скачет...

– Смотри, она всё ещё ищет кого-то, – ответил Гаврила, крадучись за товарищем. – Глазами шарит. Может, Андрюха ей нужен, чтобы увести его в реку. Глянь-кось, в деревню идёт...

– Господи, помилуй! – повысил голос Лука, осеняя себя крестным знамением. – Силою Честного и Животворящего Креста, святого архистратига Божия Михаила и прочих Небесных сил бесплотных...

Арина вдруг остановилась и прислушалась. Ей показалось, что за ней кто-то идёт. Она медленно обернулась, вглядываясь в темноту. Сердце бешено колотилось в груди, и страх, холодный и липкий, обволакивал её с ног до головы.

– Кто здесь? – крикнула она, и голос её сорвался на хрип. – Есть кто? Андрей?!

В ответ – тишина. Только ветер, который вдруг усилился, зашумел в кронах деревьев.

– Андрей, это ты? – снова позвала Арина и снова не услышала ответа.

Она сделала шаг вперёд и вдруг заметила движение. Две тени, неясные, размытые, метнулись за кустом. У Арины перехватило дыхание. Паника, дикая, животная, захлестнула её с головой. Она развернулась и бросилась бежать, не разбирая дороги, не чувствуя боли в израненных ногах. Парни рванулись от неё в другую сторону, продираясь сквозь кустарник и не замечая, как ветки хлещут по лицу, а шиповник раздирает кожу в кровь.

Не чуя под собой ног, Арина выскочила на поляну. И тут перед ней, будто из-под земли, вырос огромный вороной конь.

Арина не успела ни закричать, ни увернуться. Её ноги подкосились, она поскользнулась на мокрой траве и рухнула прямо под копыта разгорячённого жеребца. Конь взвился на дыбы, дико заржав, и в лунном свете его тень накрыла Арину, как чёрное крыло смерти.

Последнее, что она увидела, это опрокинувшееся небо и звезды, искрами посыпавшиеся на неё сверху.

Глава 3

Первые проблески света появились на востоке, когда небо было ещё тёмно-синим, почти чёрным, а звёзды, мерцавшие всю ночь, начали по одной гасить свои огоньки. Но река всё ещё спала под плотным покрывалом тумана. Белая, молочная пелена низко стелилась над водой, окутывая её и скрывая от посторонних глаз её тайны. В этом тумане, густом и влажном, угадывались силуэты прибрежных ив, которые стояли неподвижно, опустив свои длинные ветви к самой воде, словно пытались дотянуться до её прохладной глади. Листья на деревьях блестели от росы, и каждая капля, застывшая на тонкой зелёной пластинке, отражая розовеющее небо, превращалась в крошечный драгоценный камень.

Птицы просыпались постепенно. Сначала одна, самая смелая, подала голос, и её трель зазвенела над рекой, разрывая тишину. И вот уже весь прибрежный лес наполнился пением, радостным и звонким, приветствующим новый день.

Но первые петухи запели ещё раньше, и их крики разносились от одного двора к другому, разбуживая крепко спавших людей. Где-то вдалеке замычала корова, и звук этот, низкий и протяжный, вплёлся в утреннюю симфонию, делая её более живой и настоящей. Солнце ещё не показалось из-за горизонта, когда пастух Фома, высокий сутулый мужик с длинным кнутом в руке, уже вышел за деревню, выгнав коров из хлева на росистое пастбище, где каждая травинка, согнувшаяся под тяжестью влаги, казалась серебряной нитью, вышитой на зелёном полотне. Там, где роса собралась особенно густо, она напоминала мелкий бисер, рассыпанный невидимой рукой.

Фома обернулся и три раза размашисто перекрестился на купол видневшейся на пригорке церкви, сделал троекратный поклон и окинул взглядом всю округу. Река, освобождаясь от туманного покрывала, засверкала тысячами бликов, и каждый блик танцевал на воде, играя с лучами восходящего солнца. Наступал новый день.

В кузнице, что стояла на отшибе, уже вовсю стучали молотки. Гулкий, ритмичный звон металла разлетался по утреннему воздуху, и искры, вылетая из распахнутых дверей, гасли в лучах поднимавшегося над землёй солнца.

На кухне, в большом доме, уже гремела посуда. Кто-то звонко ругался, кто-то смеялся, а где-то плакал ребёнок, и его плач тонул в общем утреннем шуме. Деревня, проснувшись до рассвета, к утру уже жила своей обычной, размеренной жизнью.

Арина открыла глаза, но ещё какое-то время лежала на своём жёстком неудобном ложе, прислушиваясь к странным звукам, разбудившим её. Ночной кошмар, кажется, продолжался и не растаял вместе со сном. Она приподнялась на локте и огляделась. Маленькая комната – такие в старину вроде называли клетушками – была тесной и неудобной. Стены бревенчатые, низкие, тёмные от времени. Одну из них подпирал огромный сундук, окованный железом и запёртый на чудовищный замок, который мог бы украсить любую средневековую крепость. Окон не было. Ни одного. Только приоткрытая дверь, откуда пробивался тусклый, сероватый свет.

Арина села на постели, которая оказалась просто набитым сеном тюфяком, и прижала ладонь к щеке. В голове всё смешалось в один спутанный клубок. Андрей, Наталья, река, лунная дорожка, девушки в белых рубахах, крики о русалке, бег через лес и этот огромный чёрный жеребец, который взвился над ней на дыбы, а потом... ничего.

Она застонала, провела ладонью по лбу, и тут же дёрнулась от резкой боли. На лбу красовалась огромная шишка, горячая и пульсирующая. Реальность, которая так настойчиво стучалась в её сознание, вдруг стала осязаемой.

– Ну нет, – прошептала она, осторожно трогая шишку. – Нет-нет-нет! Этого просто не может быть. Это не может быть по-настоящему.

Арина закрыла глаза и снова начала перебирать в уме всё, что произошло. Андрей изменил ей с Натальей. Её подругой, её лучшей подругой, которая совсем недавно утешала её и говорила, что свекровь просто ложка дёгтя в бочке мёда. Эта мысль всё ещё жгла, оставляя горький привкус во рту. Арина знала одно: она не простит этого. Никогда. Как только она разберётся, где находится, и выберется из этого странного места, она подаст на развод. Без разговоров, без объяснений. Просто вычеркнет его из жизни, и всё.

Стоп! А если это всё организовал Андрей? Как в фильме, где специально создали историческую реконструкцию, чтобы перевоспитать какого-то балбеса? Но нет. Откуда у Андрея, обычного владельца автомастерской, такие деньги, чтобы сделать всё это? Да и зачем? Значит, это устроил кто-то другой, и ей нужно понять, кто и как поможет ей выбраться из этой нелепейшей ситуации.

– Чёрт! А если я сошла с ума? Или я попала в прошлое?

Забыв о шишке, она хлопнула себя ладонью по лбу, и снова боль пронзила голову, но мысль никуда не исчезла. Арина всё ещё была здесь, в этой странной комнате, в этом непонятном мире, где не было ничего привычного и знакомого.

– Господи, – прошептала она, чувствуя, как к горлу подступает ком. – Это же бред. Я просто ударилась головой, и мне всё это снится.

Но шишка на лбу пульсировала, и ощущение боли в теле от жёсткого тюфяка было слишком реальным. Как запах старого дерева и травы. Как свет, который пробивался из двери, и был слишком настоящим.

Арина встала. Ноги её слушались, хотя во рту пересохло, а голова кружилась. Она опустила взгляд и увидела, что на ней всё ещё та самая белая длинная рубашка, из холста, который просвечивал на свету. Арина потянула подол в разные стороны: рубаха была грязной, в пятнах травы и земли, но девушке было всё равно. Ей нужно было найти нормальную одежду, выйти отсюда, найти людей, которые объяснят, где она и что здесь происходит.

Она сделала шаг к грубо сколоченной двери, открыла её и вышла в узкий тёмный коридор, который вёл куда-то вглубь дома. Сердце билось гулко и часто, но она заставила себя идти вперёд, чувствуя, как холодный воздух касается её босых ног.

И тут на неё налетела женщина. Высокая, дородная, в тёмно-синем сарафане, расшитом по подолу неброскими узорами. На её голове был странный головной убор, повязка, украшенная вышивкой и бусами, из-под которой выбивались пряди волос. Она толкнула Арину в туже клетушку и испуганно затараторила:

– Куда ты подалась, оглашенная, куда? В исподнице-то! Простоволосая! Срам-то какой!

Арина замерла, глядя на женщину широко раскрытыми глазами. Наконец заставила себя улыбнуться.

– Здравствуйте. Извините, – выдавила из себя Арина. – Вы не могли бы дать мне телефон? Я хочу позвонить. Позвонить, понимаете?

Женщина удивлённо хлопнула ресницами, и в её взгляде мелькнуло недоумение.

– Позвонить? – она покачала головой. – Так заутреню уже отзвонили, да и на колокольню без благословения не пустят. Ой, баламутишь ты, девка...

Арина почувствовала, как внутри неё начинает закипать отчаяние. Она говорила спокойно, сдерживаясь из последних сил, но каждое слово Акулины било по нервам, как молот.

– Нет, вы не понимаете, – сказала она, сделав глубокий вдох, и поднесла ладонь к уху, изображая пальцами трубку телефона. – Позвонить. Андрею, моему мужу.

– Кузнецу? Позвать тебе его, что ли?

– Нет!!! Не надо кузнеца! Это не тот Андрей! – закричала Арина и схватила женщину за руку.

Но та отшатнулась, быстро перекрестилась и с опаской отступила ещё на шаг.

– Бесноватая ты, что ли? – прошептала она, вглядываясь в Арину. – Али раскольничаешь? Говори, кто ты такая, чтобы я знала, как с тобой быть.

Арина почувствовала, как пересохло в горле. Она провела языком по сухим губам и с трудом сглотнула.

– Я православная, – ответила она. – Честное слово, православная. И я просто хочу понять, где я и как сюда попала. Вы можете мне ответить? Это... это ведь реконструкция?

– Какая ещё рестуция? – не поняла женщина. – А ну-ка перекрестись...

Арина перекрестилась, и лицо женщины разгладилось.

– Троеперстием крестишься, – покачала она головой, – а беснуешься, как нечисть какая-то... Говоришь не по-людски. И глаза у тебя дикие, будто из лесу вышла.

– Я не нечисть, меня Ариной зовут. А вас?

– Акулина я, ключница, – ответила женщина.

Арине вспомнился диалог двух героев известного фильма: «Ключница водку делала?» «Ну, пускай будет ключница... долго объяснять...» и она быстро прижала ладонь к губам, сдерживая истерический смех: а что если она тоже попала во времена Ивана Грозного? Вместо смеха из её груди вырвалось надрывное всхлипывание.

– О, Господи...

Услышав Имя Божье, Акулина быстро перекрестилась, и Арина, заметив в её глазах новое сомнение, тоже наложила на себя крест. Как ни странно, это немного успокоило её. И она заговорила с этой женщиной ласково и убедительно.

– Мне бы одежду какую... И попить...

– Тут сиди, – приказала ей Акулина и ушла. Но вернулась очень скоро. Через плечо она несла холщовую рубаху, чистую исподницу, сарафан и фартук. В одной руке держала странную обувь и головной убор, в другой – глиняную кружку с каким-то питьём.

– Что это? – спросила Арина, выпив напиток, от которого не смогла оторваться.

– Взвар на меду, – Акулина принялась подавать ей одежду.

– Вкусно очень... – Арина сняла грязную рубаху, надела чистую, потом бросила на женщину смущённый взгляд: – А трусы?

– Опять юродствуешь?

Арина принялась одеваться, справляясь с одеждой так неловко, что Акулина, склонив голову, прижала ладонь к щеке, будто у неё разболелся зуб.

– Тоща ты больно, – сказала она наконец, оглядывая Арину, на которой одежда висела мешком. – Лукерьюшка-то потелеснее тебя была.

– А сама она где? – спросила Арина, рассматривая головной убор и ленту.

– Померла намедни... – сообщила ей Акулина.

Арина вздрогнула и бросила повязку на сундук:

– Не буду я это надевать.

– Повойник-то? Высекут перед народом на козлах, наденешь, – миролюбиво сообщила ей Акулина. – Наш барин челядь свою в строгости держит.

– Кто?! – Арине захотелось плакать.

– Барин, говорю, – пояснила Акулина. – Батюшка наш, Никита Алексеич. Мы же все Разумовские... Да куда ж напяливаешь его? – всплеснула она руками, заметив, что Арина собирается надеть повойник на голову, не подобрав волосы. – Косу сначала заплети, ленту я для чего тебе принесла? Негоже простоволосой людям казаться. А потом уже повойник надевай. И поспешай, некогда мне с тобой...

– Как я попала сюда, Акулина? – Арина подняла на неё глаза, полные слёз.

– Так барин и привёз... Где он только взял тебя такую...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.